

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

2016. Том 16. Вып. 4, с. 73–90

<http://yearbook.uran.ru>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА)

УДК 340.12

Алексей Михайлович Пономарев

доктор философских наук,
директор Удмуртского филиала
Института философии и права УрО РАН,
г. Ижевск. E-mail: amp08@mail.ru

В статье рассматривается развитие современной правовой аксиологии, актуализирующей обращение к философско-аксиологическим концептам в их исторической динамике. Решение аксиологической проблематики в области права требует введения различия права как ценности и закона как ее нормативного выражения; изучение нормативной природы права предполагает анализ ценностно-нормативных аспектов функционирования социальных систем, осмысление взаимосвязи ценностей и деятельности социального субъекта, ее объективации в ценностно-нормативной системе, исследование ценности как формы сознания. Проекция современных аксиологических наработок на проблематику правовой аксиологии позволяет сделать следующие выводы в отношении права. Право как социальная система выступает в качестве институциональной ценности, закрепляя образцы действий. Одновременно право как элемент ориентации субъектов в социальном мире, мотивации их действий, формирования образа их Я является социальной ценностью. В структуре права выделяется объективированный аспект, придающий ему семиотический характер, и аспект субъективированный, воспринимаемый агентом социальной деятельности как долженствование и масштаб субъективной оценки, посредством

которой право проявляется и выражается в ценностном отношении субъекта. Применительно к обществу как субъекту право должно рассматриваться в качестве саморепрезентации этого общества. Здесь объективированный аспект права реализуется как совокупность юридических норм. Субъективированный аспект права проявляется как совокупность правовых практик различного уровня и их рефлексия в форме обыденного и теоретического сознания. К основным функциям права должно быть отнесено оформление субъектности субъекта социальной деятельности и выполнение роли одного из способов саморефлексии общества.

Ключевые слова: аксиология, правовая аксиология, ценность, оценка, норма, право, репрезентация, социальная коммуникация, система ценностей, индивидуальное сознание, общественное сознание.

В дискуссиях о праве одной из центральных является проблема ценностной природы права; это обусловило формирование в рамках философии права такого направления, как правовая аксиология. В теоретико-юридических дискуссиях разделение позиций идет по линии признания собственного аксиологического аспекта права, с одной стороны, и обоснования права исходя из внешних для него ценностей (в первую очередь моральных), с другой стороны. Философское понимание проблемного поля этих дискуссий невозможно вне контекста ценностной проблематики в целом, что заставляет обратиться к методологическим вопросам аксиологии.

В данной связи следует вспомнить о социальном контексте, в рамках которого ценностная проблематика получила самостоятельное значение. Аксиологическая проблематика как отдельное направление исследований оформляется во второй половине XIX в. В этот период понятие «ценность» приобретает статус одной из основных философских категорий; под влиянием философии начинается также изучение различных видов ценностей в конкретных науках их специфическими методами. Артикуляция ценностной проблематики в философии подчиняется императивам собственного ее развития, а также обуславливается всем социокультурным контекстом.

В первом случае следует говорить прежде всего об укоренении и развитии в теоретических исследованиях принципа историзма, о росте внимания к исследованию культуры и самоопределению общественно-гуманитарных наук как «наук о духе», а также о критической реакции на господство натурализма и позитивизма в научном познании. Далее – о необходимости переосмысления онтологической проблематики. Исторически эта задача была решена неокантианством¹. Решалась она, по словам М. Хайдеггера, как осмысление понятия «культура» в качестве типического для выражения своей эпохи понятия, в котором отражаются идеи исторически восходящего развития и деятельности как достижение и превосхождение наличной действительности [Хайдеггер 1996: 16-30].

¹ Также большой вклад в становление современной проблематики ценностей был внесен ницшеанством и марксизмом. По указанной проблеме см.: [Каган 1997: 13-19; Столович 1994: 130-133, 156-177].

Во втором случае речь идет о переходе к обществу зрелого модерна¹, к ситуации институционального закрепления функционально отдифференцировавшихся социальных систем. В этой ситуации исчезают бесконкурентные репрезентации социального; общество в целом, автономизирующиеся социальные системы сталкиваются с проблемой самоописания. В описываемых условиях «должен иметься уровень порядка, способный выдержать игру контингенций, “inviolable level”, который не затрагивается производством парадоксов и тавтологий в процессе принятия решений, но именно отсюда и получает свою значимость. ... В этом отношении понятие ценности начинает свою карьеру примерно с середины XIX века» [Луман 1991: 206].

Одновременно завершается становление личностного типа индивидуализации человека. Эта эпоха не только вычленяет индивидуальное, но и – порой до конфликта, – противопоставляет его общему. В такого рода обстоятельствах формируется потребность в выборе индивидуального поведения, осознается личная ответственность за него. Последняя связана с необходимостью соизмерения включающих элементы рациональности намерений с последствиями, то есть с оценкой. Как ответ на эти проблемы развивается рефлексия ценности в качестве масштаба данного соотношения-оценивания, в качестве интериоризации социального регулятора, замены внешних регуляторов поведения внутренними. В результате этого процесса единые для сообщества абсолютные ценности заменяются системой ценностей и рождается, по словам И. Витаньи, социологическая проблематика ценностей – их отношение друг к другу (ценности-цели, ценности-средства и т.д.) [Витанья 1984: 223].

Кроме того, само существование индивида в эпоху модерна в отличие от его существования в обществе традиции связано более с количественным, то есть временным, а не с пространственно-атрибутивным аспектом. Без переноса акцентов в социальном существовании с пространственно-атрибутивного на количественно-временной уровень невозможно формирование оценки – по крайней мере, как категории – и связанных с ней понятий «ценностная ориентация», «ценностная установка» и т.п.

Складывающийся тип социального существования тесно связан со становлением так называемого новоевропейского типа рационализма, который впервые полно был освещен М. Вебером [Вебер 1994: 43-73, 309-446; 1990: 44-344]. «Чаще всего Вебер использует понятие рациональности в значении “чистой калькулируемости”, “исчисляемости” для определения того, что делает возможным расчет действий и средств, необходимых для достижения определенной цели. ... Специфическую для Запада рациональность (выделено – автором) он связывал с целерациональным действием», – пишет о веберовской трактовке рациональности Н.А. Бусова [Бусова 2004: 20]. Помимо

¹ В данной статье понятия «модерн», «модернистское общество» в их противопоставлении аграрно-традиционалистским обществам, обществам античности и средневековой Европы используются как синонимичные понятиям «Новое время», «ноевропейское общество».

освобождения от традиционных форм регулирования и институционализации эффективность целерационального действия должна была мотивационно *закрепиться* в личности, «то есть получить ценностное оправдание» [Бусова 2004: 21].

Ю. Хабермас обозначает описанный М. Вебером процесс развития целевой рациональности как становление когнитивно-инструментальной рациональности и дополняет его процессом формирования и развития коммуникативной рациональности, которая реализуется в языковом опосредовании и связана с коммуникативной деятельностью, направленной на взаимопонимание участников социального взаимодействия. Под последним Ю. Хабермасом понимается «*коммуникативное действие*, символическое взаимодействие. Оно руководствуется обязывающими *консенсусными нормами* (выделено – автором), которые определяют взаимные ожидания относительно поведения и которые должны быть поняты и признаны, по меньшей мере, двумя действующими субъектами. ... Значимость социальных норм основана только на intersубъективности взаимного понимания намерений и обеспечена общим признанием обязательств» [Habermas J. 1971: 91-92].

Однако такое intersубъективное взаимопонимание, достигаемое в дискурсе, реализующем переходы от идеального к реальному, от структуры к событию, от общего к единичному, может являться только синтезом минимум двух точек зрения [Рикер 1995: 137]. А это, в свою очередь, означает запрос на принцип такого синтеза, который должен быть трансцендентен в отношении этих точек зрения. Данный синтез содержательно связан с должествованием в той мере, в какой воля коммуникантов направлена на достижение взаимопонимания, и предполагает готовность следовать ему. Иными словами, выражением подобного синтезированного взаимопонимания является ценность.

Можно констатировать, что в определенной социальной ситуации ценности стали выступать в роли инструмента, посредством которого обосновываются социальная идентичность, интеграция, intersубъективное нормативное согласие. Особое внимание здесь следует обратить на то, что экспликация ценностной проблематики и в общественных дискуссиях, и в теоретических спорах происходит в ситуации, когда формируется ново-европейская рациональность, одним из вариантов которой, по мнению Ю. Хабермаса, является коммуникативная рациональность.

Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса включает в себя притязание на значимость ее участников. Именно в качестве таковой – значимости – должна, по нашему мнению, трактоваться ценность. Дело в том, что ценность характеризует заинтересованное отношение к миру субъекта, функционирует в коммуникативной среде. С этой точки зрения ценность является характеризующей объективацией субъекта, реализуемой в языке, выступающем в качестве средства объективации. «...*Система ценностей (субъекта) является “языком” мира объективаций* (выделено – автором), она содержит такие элементы и правила, на основе которых мы создаем объективации» [Витаньи 1984: 79].

В соответствии со сказанным анализ ценностей должен предваряться анализом способа существования объективирующего себя субъекта, который в качестве целостности реализуется посредством взаимодействия исторически сменяющихся эмпирических индивидов. Другими словами, анализу должны быть подвергнуты социальные механизмы организации отдельных социальных взаимодействий индивидов в устойчивую и конкретно определенную целостность, а также роль ценностей в этих механизмах. При этом в поле зрения должен постоянно удерживаться тот факт, что сами взаимодействия различно предметно-ориентированы и различным образом социально обусловлены.

В свою очередь, данные социальные взаимодействия оформлены в конкретную целостность посредством социальных связей, которые должны рассматриваться как опосредующее звено между определенным типом социальности и организуемым в коммуникации социальным взаимодействием эмпирических индивидов. Выступая как процесс по упорядочиванию индивидуальных взаимодействий и будучи оформленными в конкретном типе социальности, социальные связи воспроизводят общество в качестве целостности. Особо следует подчеркнуть, что этот процесс, с одной стороны, представляет собою социальную структуру, а с другой – является ее воспроизводством индивидами, которые осознают свои взаимодействия и задаваемые ими в объективированной форме смыслы как само собой разумеющиеся, как очевидные.

Подобная самоочевидность диктуется скрытой от индивидуального сознания социальной механикой. По аналогии с анализом М. Фуко познавательных эпистем эта механика, во-первых, может быть описана как положенная между эмпирическими порядками, с которыми имеет дело индивид, и общими (научными, философскими, идеологическими и т.п.) теориями. Во-вторых, можно утверждать, что в социальной механике эмпирически самоочевидный порядок, для которого она выступает положительной опорой, теряет свою прозрачность. В-третьих, можно признать, что указанная механика, утверждая принципиальное наличие элементов порядка, «...раскрывает порядок в самой его сути...», а потому «...более основополагающая ... в своей первичной и нерасчленяемой сути...» [Фуко 1994: 33-34].

Следует также отметить, что социальная механика есть совокупность находящихся в сложном переплетении видов деятельности, совокупность, «...складывающаяся в дифференцированную и иерархическую структуру ... по уровням и этапам которой объективно растекается человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы» [Мамардашвили 1992: 301]. Вся эта сложная глубинная механика для индивидуального сознания остается невидимой, своего рода «слепой зоной». Но именно в ней формируются границы сознания и те идеальные образования, которые данное сознание почитает своими, сотворенными им.

Разнотипность социальных целостностей во многом обуславливается различием этих образований, их комбинаций, посредством которых объективированные смыслы, значения доводятся до индивидуального сознания в качестве его очевидностей и обосновываются им. Ценности являются

одним из типов этих идеальных образований, которые предпочтительнее называть идеальными предметностями. В последних следует различать их содержательность, формируемую направленностью сознания на объекты окружающего мира, и саму идеальную форму сознания, придающую такой содержательности законченность.

В этой связи принципиально важным становится рассмотрение вопроса о природе идеальных форм, их объективности, способе существования и, исходя из цели данной статьи, выделение специфики идеальных форм, которые связаны с ценностями. В указанном направлении и излагается в дальнейшем аксиологическая проблематика. Связанные с ней вопросы будут рассматриваться через трактовку ценностей как одного из ключевых элементов конкретного исторического типа социальности – а именно универсально-понятийного. Под таковым будет пониматься тип социальности, особенность которого заключается в опосредовании любого частного всеобщим, в тяготении к языковым универсалиям и в функционировании коммуникации в режиме рационального дискурса. Связывая этот тип социальности с ее кодированием, М.К. Петров пишет, что его история «есть во многом история вовлечения языковых структур большой общности в процессы социального кодирования» [Петров 1991: 150]. Данный тип социальности зарождается в античности и достигает зрелости в период Нового времени.

Эту трактовку ценностей предполагается также использовать при рассмотрении права как предметности сознания при анализе юридических феноменов, функционирующих в режиме дискурса. Такого рода трактовка права позволяет различать юридические явления и право как принцип, организующий структуру правового сознания, конституирующий юридические феномены универсально-понятийного типа социальности и регулирующий их функционирование в дискурсе. Применительно к праву это положение позволяет рассматривать его в качестве квазисубъекта, обеспечивающего идентичность правового вида деятельности в дискурсивно поддерживаемом взаимодействии эмпирических индивидов, в отношении сознания которых право как форма общественного сознания приобретает трансцендентные характеристики.

Рассмотренный выше социальный механизм порождает социальные системы, «реализующиеся и функционирующие посредством сознания, то есть такие, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, говоря иначе, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия)» [Мардашвили 1992: 298]. Ценность является одним из таких отображений. В силу этого понимание природы социальных ценностей, их «чувственно-сверхчувственной» сущности может быть раскрыто через анализ идеальной формы и закономерностей ее движения¹.

¹ Предметности сознания, по-нашему мнению, должны рассматриваться как конкретности, содержание которых задается внешним миром, на которое направлено сознание, а форма – структурой сознания. Последнее должно пониматься не как априорное, а наоборот – как исторически сформировавшееся в практике. См., напр.: [Вартофский 1988: 5-25].

Под идеальным в границах реализуемого в статье подхода понимается «характеристика ... вещественно зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных) образов общественно-человеческой культуры, то есть исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей как особая “сверхприродная” объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью как находящийся с нею в одном и том же пространстве...» [Ильенков 1991: 249]. Формы идеального обладают такими свойствами, как всеобщность, необходимость, обезличенность. По отношению к индивидуальным сознанию и воле они действуют как их форма, как управляющий ими закон. Эти свойства выявляются в выполняемых ими функциях в социальной системе: они задают горизонт индивидуального сознания, создавая и структурируя его «пространство», образуя внутри него различности и тем самым очерчивая его предметности, ориентируя и регулируя индивидуальное поведение и общение, – и, соответственно, запускают механизм системной причинности, индуцируя это движение в конкретной точке социального механизма. Достигается данный эффект благодаря механизму порождения идеальных форм в механике социального.

«Чистая деятельность», дабы не оставаться абстракцией, должна быть опредмечена в осязаемом материале, чтобы являться видимой и осознаваемой ее агентами. То же касается и отношений, складывающихся между индивидами в процессе их взаимной деятельности. Так как любая деятельность всегда конкретна, то и названные отношения внутри нее должны быть всегда конкретно оформлены. Подобная конкретность, будучи закрепленной в осязаемом материале, придает ему идеальную форму. «Но “быть другим”, оставаясь при этом “самим собой”, – это и означает обладать кроме “реального” еще и “идеальным” бытием» [Ильенков 1991: 252]. Идеальность проявляется в том, что форма отношений индивидов безразлична к самому осязаемому предмету и может закрепляться, быть выраженной в любом из вовлеченных в эти отношения вещественном предмете. Возникает отношение репрезентации, то есть отношение, в котором один чувственный предмет, оставаясь самим собой, начинает играть роль другого, становится его функцией. Иначе говоря, осязаемый предмет является представителем, заместителем указанных отношений в индивидуальном сознании, движется по социальной логике этих отношений, которая в индивидуальном сознании проступает, воспринимается как логика движения вещей.

С учетом контекста рассматриваемой в статье проблематики в репрезентации в качестве наиболее существенных могут быть выделены следующие аспекты. Репрезентация важна, во-первых, с точки зрения развития рефлексивности общественного сознания. Репрезентация как процесс самопредставления презентуемого позволяет ему «предстать перед самим собой». В этом плане интересный момент подмечен постмодернистской философией, а именно – запаздывающий характер репрезентации. Иными словами, в момент репрезентации презентуемый объект отсутствует, исчезает, «обнуляется»; репрезентация возможна именно в силу этого отсутствия.

Во-вторых, вовлечение вещественного предмета в закрепление идеального с неизбежностью придает данному предмету свойства знака. Результатом этого становится знаковый, семиотический характер репрезентации. Поскольку средой существования знака является коммуникация, предмет «отрывается» от своего вещественного субстрата и начинает функционировать как чистая знаковая форма, которая может быть наполнена любым содержанием.

В-третьих, репрезентация связана с субъектом в том смысле, что им решается вопрос о том, что должно быть репрезентировано. В противном случае речь должна идти о презентации. Но связь репрезентации с субъектом, который осуществляет закрепляемый в знаковой форме выбор, свидетельствует, что она изначально является интерпретацией. Субъект решения оказывается интерпретирующим субъектом. Более того, это парадоксальный субъект в том смысле, что он исчезает в репрезентации как объективации его выбора. Превращаясь в объектный момент репрезентации, он также «обнуляется», что создает эффект самостоятельного «бытийствования» репрезентации.

Образование идеальных форм как фигуры сознания происходит по следующей схеме:

А. Срастание вырванного из своих связей осязаемого предмета с конечной, далее неразложимой человеческой деятельностью.

Б. Смещение социального значения на побочные свойства предмета.

В. Инверсия, оборачивание движения от деятельности к предмету.

Г. Наделение конечного для сознания предмета недифференцированным единством, связью всех отношений целого.

Речь идет, однако, не только о необходимости восприятия индивидами социальной деятельности в чувственно-осязаемой форме. Дело в том, что социальная деятельность как целое не может быть охвачена индивидуальным сознанием. В то же время она каким-то образом должна быть репрезентирована, представлена в нем. Свертывание социальной деятельности по различным ее уровням в знак также происходит по схеме образования идеальной формы, но имеет свою специфику, выражаемую в понятиях «превращенная форма» и «косвенно-превращенная форма» (впрочем, в контексте данной статьи второй вариант, по сути, является частным случаем первого).

Превращенная форма «есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественного цельного явления, “предмета” наряду с другими. В этой “бытийственности” и состоит проблема превращенной формы, которая видимым (и практически достоверным) образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, представляется как особое, далее не разлагаемое образование, как “субстанция” наблюдаемых свойств» [Мамардашвили

1992: 316]. Превращенная форма может носить иррациональный характер, но может и не иметь его. Последнее касается, например, функционирования культурных знаковых форм.

Превращенная форма помимо тех функций, которые были указаны для идеальной формы в целом, выполняет в социальной системе важные функции замещения, восполнения, достройки до целостности на поверхности системы выпущенных звеньев превращения. В поле ограниченного ими индивидуального сознания в силу своей «неразложимости» превращенные формы выступают как осознаваемые цели, мотивы действий, интересы. Создавая поле понимаемого для индивидуального сознания, «эти объекты отбрасывают своего рода “тени” на различные области системы – индуцируют зону принципиального непонимания, “мертвое пространство”, непроницаемое для луча сознания» [Мамардашвили 1992: 317].

Образование превращенных форм как фигуры сознания может быть представлено в виде последовательности:

А. Выключение отношений системы из всеобщей связи.

Б. Восполнение их иной предметностью или свойствами.

В. Синкретическое замещение этими формообразованиями предшествующего уровня системы.

«Иными словами, превращенные формы регулируют систему путем восполнения отсеченных ее звеньев и опосредований, замещая их новым отношением, которое и обеспечивает “жизнь” системы» [Мамардашвили 1992: 321].

Наконец, косвенная форма представляет собою «объект, который непосредственно или “текстуально” полагается мыслью, но которым на деле утверждается косвенно другой объект, другая предметность сознания, остающаяся в нем невыраженной эксплицитно как прямой аналитический предмет мысли. Первый замещается вторым и движется уже по его логике» [Мамардашвили 1992: 310].

С нашей точки зрения, превращенные формы типичны для общения, поэтому представляется вполне допустимым вести анализ социальных ценностей как вида превращенных форм¹.

Другой вопрос – в чем особенность ценностей как превращенной формы сознания, чем они отличаются от других подобных форм? Ключ к ответу лежит в различных способах отношения социального субъекта к миру. В контексте данной работы целесообразным представляется выделить два основных способа отношения субъекта социальной деятельности к миру.

Первый – объективирующее отношение социального субъекта к миру, закрепляющее восприятие мира – как внешнего «нечто», результатов деятельности субъекта – как «вещей среди мира вещей», орудийно-знаковых комплексов – как внешних сил, навязывающих субъекту алгоритм его действий, и, как результат, восприятие субъектом самого себя лишь как агента социальной деятельности, рядоположенного другим моментам. Второй – воляще-заинтересованное отношение социального субъекта к миру, в

¹ По нашему мнению, объективность ценности должна обосновываться именно через объективность сознания и его форм.

котором он утверждает свою субъективность и самоидентичность в их исторической конкретности, манифестирует свое присутствие в этом мире.

Именно второй способ отношения субъекта к миру и утверждает ценности. Можно сказать, что в ценностях объективируется в материальных и идеальных предметностях субъективность субъекта, имеющего историю и обладающего потребностями и интересами. Через эту объективацию в виде культуры социальному субъекту единственно возможным способом становится доступна его собственная субъективность. Другими словами, через ценности утверждается сам социальный субъект в качестве субъекта. Таким образом, говорить о ценностях – значит говорить о субъекте.

Отсюда следует важное методологическое положение – изучение ценностей невозможно без анализа их субъекта. Именно через анализ субъекта и его вовлеченности в социальную деятельность должны решаться все связанные с данной проблематикой вопросы.

В этой связи нельзя не упомянуть сложный характер структуры социального субъекта и его деятельности. Во-первых, по мере исторического развития деятельность любого субъекта все больше дифференцируется, сам он втягивается во все более многообразные отношения с миром. Поэтому каждый вид его деятельности, приобретающий самодостаточный, воспроизводимый во времени характер, обеспечивается своими ценностями. Можно сказать, что ценность развивается по мере дифференциации совокупной социальной деятельности субъекта, по мере автономизации ее моментов, видов деятельности.

Во-вторых, любой субъект представляет собою социальную целостность и содержит в себе в качестве элементов определенным образом взаимодействующих индивидов и формирующие эту целостность социальные отношения. Поэтому из всего многообразия отношений с окружающим миром для него наиболее значимыми являются отношения с обществом в целом, а также внутренние отношения по самоупорядочиванию [см., напр.: Витань 1984: 41-49].

Таким образом, для понимания социального субъекта любого уровня – от личности до общества в целом – ключевым является анализ формирующих его социальных связей. При всех различиях в трактовке этих связей общим для них признается их соотношение с формами и видами деятельности. Тем самым утверждается их объективный по отношению к отдельным индивидам характер, возможность их анализа в качестве социальных институтов, обеспечивающих самосогласованность социальных систем, их устойчивость посредством символически-знакового (то есть через коммуникацию внутри социальной группы) способа существования. Соответственно можно говорить о предметных, институциональных ценностях и о ценностях самокоммуникации социального субъекта, которые определяются в качестве социальных ценностей.

Исходя из вышеизложенного, анализ ценностей правомерно вести по видам социальной деятельности, по автономизирующимся в ходе дифференциации совокупной социальной деятельности ее моментам, по закрепляющим их социальным институтам и по обеспечивающим их связан-

ность каналам коммуникации. В свою очередь, специфика этих ценностей должна выводиться из специфики социальных институтов и особенностей коммуникации. Более того, именно эти институты закрепляют эти ценности, а коммуникация воспроизводит их и делает действенными¹.

При этом особо следует выделить роль ценностей в коммуникации. В условиях функциональной дифференциации обществ и «расхождения» систем и жизненного мира ценности являются инструментом удержания этой дифференциации. В качестве предметной ценности ценность предстает индивидуальному сознанию в виде институциональной ценности, которая отделяет систему от повседневного мира. Во внутренней коммуникации она выступает как базовое различие, обеспечивающее (подобно коду) внутрисистемные коммуникативные операции. Тем самым ценность втягивается (и исчезает) вместе с исходной точкой коммуникации в механизмы автономизации системы, ее самореференции. Выявлена она может быть лишь критической рефлексией или – в случае сбоя системного функционирования – в форме морального возмущения.

В структуре ценностей удастся выделить субъективированный и объективированный моменты, выражающие соответственно самоотжественность субъекта ценностей и его конкретные отношения с окружающим миром в совокупной социальной деятельности. Первый момент проявляется как ценностная установка субъекта, второй – как объективированный в знаке алгоритм, правило, цель его деятельности.

Во временном разрезе в ценности удастся выделить прошлую, опредмеченную деятельность субъекта (момент ее прерывности) и ее идеальную, ориентированную на цель, то есть на будущее, составную (момент процессуальности деятельности).

Подведем некоторые итоги, выделив те аспекты, которые важны для понимания проблематики правовой аксиологии.

Право в качестве ценности должно анализироваться как превращенная форма сознания, закрепляющая значимые для субъекта аспекты совокупной социальной деятельности. Право в качестве социальной системы выступает в виде институциональной ценности, закрепляя образцы действий. Одновременно право в качестве элемента ориентации субъектов в социальном мире, мотивации их действий, формирования образа их Я является как социальная ценность, обеспечивая переход социальных общностей из «вещи-в-себе» (общие условия деятельности) в социальные группы-субъекты.

В структуре права удастся выделить объективированный аспект, придающий ему семиотический характер, и субъективированный, воспринимаемый агентом социальной деятельности как должествование и масштаб субъективной оценки, посредством которой право проявляется и выражается в ценностном отношении субъекта. Во временном модусе в праве удастся выделить два компонента: прошлую, объективированную деятельность субъекта и идеальную ориентацию на цель – то есть на будущее.

¹ О коммуникации как социальной связи, «создавшейся посредством знаковой объективации», и ее творчески-воспроизводящем характере см.: [Витаньи 1984: 99-103].

Применительно к обществу как субъекту право должно рассматриваться в качестве саморепрезентации этого общества. В этом плане объективированный аспект права приобретает вид совокупности юридических норм. Субъективированный аспект права проявляется как совокупность правовых практик различного уровня и их рефлексия в форме обыденного, юридико-профессионального и теоретического сознания. В качестве репрезентации обществу самого себя право начинает самостоятельно «бытийствовать» в социальной коммуникации в виде семиотической системы и может анализироваться с позиции субъект-объектного тождества. В рамках субъект-объектного тождества право приобретает вид социальной точки, в которой происходит «обнуление» обеих частей тождества и их переход друг в друга.

К основным функциям права должно быть отнесено оформление субъектности субъекта социальной деятельности. Иными словами, право в качестве репрезентации социальной деятельности является ключевым способом саморефлексии общества и исходным пунктом объективации его субъектности. Формируя значения социального действия, право, во-первых, не может не выражаться в виде норм, а во-вторых, является одним из способов структурирования индивидуального сознания. Благодаря этому право, будучи институциональной и социальной ценностью, обладает способностью ориентировать и регулировать поведение и коммуникацию социализированных индивидов.

Применительно к индивиду как субъекту право в качестве ценности выполняет еще одну функцию – функцию его конституирования в роли социального деятеля. Как пишет И.Б. Фан, «право признает за личностью право выбора, право иметь право, право “мочь”. Право “провоцирует” ... свободу воли личности. Невостребование собственного права означает отказ от права выбора и свободы воли, отказ быть личностью» [Фан 2006: 238-239].

К изложенному следует добавить положения о взаимосвязи ценности и норм, о проявлении этой связи в праве.

Ценности играют важную роль в обеспечении самоидентичности и устойчивости во времени социальных систем. Из этого следует, что ценности должны проявляться, с одной стороны, как принцип урегулирования отношений социальной системы в конкретный момент времени. В данном случае их конкретная проявленность в виде эталонов, стандартов, образцов, меры поведения индивидов может рассматриваться в качестве социальных норм. Это проявление ценностей выводит на передний план их количественный аспект, присущее им свойство быть принципом соразмерности социальных отношений. Тем самым качественная определенность ценностей смазывается, они исчезают из видимости индивидуального сознания, которое ориентируется на императивность нормы повседневного поведения. Таковая норма воспринимается им как данность, без попыток ее рационализации и рефлексии. Для социальной нормы характерны императивность, конкретность, то есть адресность и контекст, указание на социальные условия ее применения (локализация в социальном пространстве).

С другой стороны, социальные нормы должны быть транслируемы между поколениями и в социальном пространстве. По сути, речь идет о трансляции все тех же ценностей. Норма транслируется в социальных пространствах и времени как ценность, должна приобретать свойственные ценности характеристики, а именно быть лишенной отметок пространства и времени, обезличенной. В этом случае ценность проявляется другой своей стороной – знаковой оформленностью регулируемой ею социальной реальности – и, соответственно, переходит из сферы индивидуализированных типичных действий в сферу социальной коммуникации.

Функционирование ценностей в сфере трансляционного общения, направленного на социализацию новых индивидуумов, может рассматриваться как традиция. Через временной же аспект ценности связаны с идеалом. Эпоха модерна характеризуется не просто преимущественным существованием социального индивида во времени, но и линейным восприятием этого времени, а также проекцией желаемого, значимого социального состояния в будущее. Эта проекция может быть определена как идеал, который в качестве значимого – желаемого – приобретает ценность, оформляемую в виде цели¹.

Через призму ценностно выраженных значимостей социальная система может выступать или как упорядоченное взаимодействие индивидов, или как социальная группа (общность), или как институционализированная социальная организация, или как связанная с ними культурно-нормативная система. В отношении социальной системы функционально ценности могут быть разделены на конститутивные и регулятивные.

Первые связаны с очерчиванием рамок, полаганием границ социальной системы, ее положения и связей в метасистеме, вторые – с нормами, правилами «хорошей игры», то есть с интеграцией частей в целое и воспроизводством, развитием, функционированием социальной системы. Способом существования ценностей первого типа является коммуникация, предельно широко понимаемая как опосредованное знаковыми, символическими системами взаимодействие². Для них характерно, что они выполняют функцию «...предельного ... основания актов сознания и поведения людей» и являются самодостаточными [Розов 1993: 89, 101-103].

Важной функцией ценностей этого типа является целепорождение. Как целеполагание, как порождение смыслов данные ценности входят важным элементом в программу (алгоритм) построения социального действия. Можно сказать, что в этом аспекте они являются программирующим (алгоритмозадающим) элементом социального действия. И в качестве таковых конститутивные ценности выступают как основание оценок, мер и т.п.

¹ Как показывает Н. Луман, артикуляция проблемы ценностей эпохой модерна коррелируется для индивидов этой эпохи «исчезновением» настоящего. См.: [Луман 1991: 204-205].

² О принципиальной возможности включения таким образом трактуемой коммуникации в анализ ценностей см., напр.: [Витаньи 1984: 89-111; Мотрошилова 1992: 115-174].

с последующим сравнением-взвешиванием программ-действий, выбором альтернатив сообразно потребностям и интересам субъектов.

Второй тип ценностей связан с ценностно-нормативной системой регуляции социальных взаимодействий. Фокусировка внимания на взаимосвязи ценностей и норм, точнее, на том, что формой проявления ценностей в социальной реальности выступают нормы¹, на переходе ценности в норму позволяет соединить и трансцендентность ценностей, и их функциональность: норма выступает как конкретная форма именно выявления ценности, трансцендентной по отношению к конкретным условиям и индивидам.

Нормативное оформление ценностей выполняет важнейшую функцию презентации индивиду социальных структур, социальных условий на языке предписаний индивидуального действия, значимого, должного. С нормативным же характером оформления ценностей связана программирующая функция ценностей (алгоритм действия), что проявляется, с одной стороны, в определении целей, их иерархизации (цели стратегические и ситуационные – ценности темпоральные), с другой стороны, в адекватном подборе средств их реализации (что придает и средствам функционально-ценностный характер – ценности инструментальные), с третьей стороны, в непосредственной ситуационной детерминации (что реализуется, в частности, и как оценка конкретных условий)².

Оформляясь как программа, то есть как перевод ценностей в нормативные предписания, оценки, ценностно-нормативная система начинает также упорядочивать, координировать, субординировать элементы и системы, и ситуации, и ситуационного действия. В итоге нормы предписания дополняются контролирующими нормами, выявляя еще одну функцию ценностей – полагание границ, предела возможного индивидуального действия, а следовательно, границ, предела развертывания социальных систем³.

Из анализа взаимосвязи ценностей и социальных норм следует, что в совокупности юридических феноменов право должно рассматриваться в

¹ Норма, по словам Т. Парсонса, закрывает ценность в ситуации неопределенности выбора [Парсонс 2002: 12].

² Ценности не актуализируются в последнем случае, когда речь идет об упорядоченной, организованной, привычной социальной ситуации. Но в ситуациях организационной неструктурированности, неопределенности норматизирующая функция ценностей выявляется очень хорошо. Образно говоря, ценности выступают языком, на котором описывается ситуация неопределенности, структурируется, сводится незнакомое, неизвестное к привычному, обыденному, доступному для индивидуального оценки-решения, ведущего к принятию индивидуализированной ответственности в этой ситуации. О некоторых аспектах механизма оповседневивания см.: [Вальденфельс 1991: 39-50].

³ К сказанному можно добавить, что поскольку в конкретной ситуации, как правило, действует не одна система норм и поскольку данные системы могут оказаться несовместимыми – например, правовая и религиозная, то и источников контроля может оказаться несколько. Эта ситуация одновременного воздействия нескольких контролирующих систем норм также не может быть решена без иерархизации определяющих их систем ценностей, то есть в определенном смысле эта ситуация может быть сведена к ситуации неопределенности, требующей норм второго порядка, каковыми являются юридические нормы.

качестве ценности, реализуемой в системе юридических норм. При этом право, будучи ценностью, интерпретируется и как конститутивная ценность, организуя соответствующую коммуникацию, и как регулятивная ценность, закрепляя институционный дизайн юридических феноменов. В качестве конститутивной ценности право полагает границу юридической системы, отделяет ее от других систем, а также выступает как предельное основание этой системы, проявляясь в виде оценок и целей. В качестве регулятивной ценности право обеспечивает упорядоченность системы юридических норм, ее устойчивость в изменениях, придает юридическим нормам императивность, всеобщность, универсальность, необходимость, позволяя им выполнять функцию регулятора социальных взаимодействий.

На основе изложенного мы можем сформулировать методологические позиции исследования правовой аксиологии и наметить их основные направления.

Применить перечисленные положения к анализу права как ценности означает выявить условия, при которых оно возможно/невозможно. Другими словами, это задача определения социальных логик, при осуществлении которых возможно развертывание социально-юридической системы на основе эксплицированной ценностно-нормативной системы. В такой социально-юридической системе право, приобретая характеристики ценности, выступает как тематический фокус дискурса, а сама юридическая система развертывается в качестве системы коммуникации. В данном качестве право а) есть множество «виртуальных» индивидуализированных социальных позиций, через которые б) оно переплетено с иными социальными системами.

Далеко не всякая социально-юридическая система организована по пунктирно обозначенной правовой схеме. Кроме того, сама дискурсивно-правовая социально-юридическая система не появляется в готовой форме, а проходит долгий эволюционный путь своего становления. С этой позиции исследование неевропейских и домодернистских социально-юридических систем следует вести под «негативным» углом зрения, то есть с позиции анализа невозможности права в качестве самостоятельной ценности. «Позитивная» же исследовательская программа правовой аксиологии должна акцентировать внимание на условия генезиса права в качестве ценности и основных этапов эволюции социально-юридической системы, основывающейся на ценностном принципе права.

Материал представлен в редколлегию 14.03.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бусова Н.А. 2004. Модернизация, рациональность и право. Харьков : Прометей-Пресс. 352 с.

Вальденфельс Б. 1991. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос : пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс. С. 39-50.

- Вартофский М. 1988. Модели. Репрезентация и научное познание. М. : Прогресс. 507 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. М. : Прогресс. 808 с.
- Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М. : Юрист. 704 с.
- Витаньи И. 1984. Общество, культура, социология. М. : Прогресс. 287 с.
- Ильенков Э.В. 1991. Диалектика идеального // Э.В. Ильенков. Философия культуры. М. : Политиздат. С. 229-269.
- Каган М.С. 1997. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис. 205 с.
- Луман Н. 1991. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос : пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс. С. 194-219.
- Мамардашвили М.К. 1992. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М. : Прогресс-Культура. 414 с.
- Мотрошилова Н.В. 1992. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность : (Лекции и интервью, Москва, апрель 1989). М. : Наука. С. 115-174.
- Парсонс Т. 2002. Социальная система. // Т. Парсонс. О социальных системах. М. : Акад. проект. С. 73-520.
- Петров М.К. 1991. Язык, знак, культура. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит. 328 с.
- Рикер П. 1995. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Academia-Центр : Медиум. 415 с.
- Розов Н.С. 1993. Философия гуманитарного образования (Ценностные основания базового гуманитарного образования в высшей школе). М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. 194 с.
- Столович Л.Н. 1994. Красота. Добро. Истина : Очерк истории эстетической мысли. М. : Политиздат. 464 с.
- Фан И.Б. 2006. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург : УрО РАН. 316 с.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сacд. 406 с.
- Хайдеггер М. 1996. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. Киев : Cartel. 116 с.
- Habermas J. 1971. Technology and Science as "Ideology" // J. Habermas. Toward a Rational Society: Student Protest, Science and Politics. London : Heinemann. P. 81-122.

References

- Busova N.A. *Modernizacija, racionalnost i pravo* [Modernization, rationality and law], Harkov, Prometey-Press, 2004, 352 p. (in Russ.).
- Waldenfels B. *Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' ratsional'nosti* [Daily life as a melting pot of rationality], V.V. Vinokurova, A.F. Filippova (eds., comp.) *Socio-Logos*, Moscow, Progress, 1991, pp. 39-50. (in Russ.).
- Vartofskiy M. *Modeli. Rerezentatsiya i nauchnoe poznanie* [Models. Representation and scientific knowledge], Moscow, Progress, 1988, 507 p. (in Russ.).
- Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Moscow, Progress, 1990, 808 p. (in Russ.).
- Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society], Moscow, Yurist, 1994, 704 p. (in Russ.).
- Vitani I. *Obshchestvo, kul'tura, sotsiologiya* [Society, Culture, Sociology], Moscow, Progress, 1984, 287 p. (in Russ.).

Ilenkov E.V. *Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the ideal], E.V. Il'nikov. *Filosofiya kul'tury*, Moscow, Politizdat, 1991, pp. 229-269. (in Russ.).

Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value], St. Petersburg, Petropolis, 1997, 205 p. (in Russ.).

Luhman N. *Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva* [Tautology and the paradox of self-description of modern society], V.V. Vinokurova, A.F. Filippova (eds., comp.) *Socio-Logos*, Moscow, Progress, 1991, pp. 194-219. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu. 2-e izd., izm. i dop.* [As I understand the philosophy, 2nd ed.], Moscow, Progress-Kul'tura, 1992, 414 p. (in Russ.).

Motroshilova N.V. *O lektsiyakh Yu. Khabermasa v Moskve i ob osnovnykh ponyatiyakh ego kontseptsii* [About Habermas lectures in Moscow and about the basic concepts of its concept], Yu. Khabermas. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost' : (Lektsii i interv'yuu, Moskva, aprel' 1989)*, Moscow, Nauka, 1992, pp. 115-174. (in Russ.).

Parsons T. *Sotsial'naya sistema* [Social system], T. Parsons. *O sotsial'nykh sistemakh*, Moscow, Akad. proekt, 2002, pp. 73-520. (in Russ.).

Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture], Moscow, Nauka, Gl. red. vost. lit., 1991, 328 p. (in Russ.).

Ricoeur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenевtike* [The conflict of interpretations. Essays on hermeneutics], Moscow, Academia-Tsentr, Medium, 1995, 415 p. (in Russ.).

Rozov N.S. *Filosofiya gumanitarnogo obrazovaniya (Tsennostnye osnovaniya bazovogo gumanitarnogo obrazovaniya v vysshey shkole)* [Liberal education philosophy (Value base basic humanities education in high school)], Moscow, Issled. tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1993, 194 p. (in Russ.).

Stolovich L.N. *Krasota. Dobro. Istina : Ocherk istorii esteticheskoy mysli* [Beauty. Good. Truth: Essay on the history of aesthetic thought], Moscow, Politizdat, 1994, 464 p. (in Russ.).

Fan I.B. *Ot geroya do statista: metamorfozy zapadnoevropeyskogo grazhdanina* [From hero to the extras: the metamorphosis of Western European citizen], Ekaterinburg, UrO RAN, 2006, 316 p. (in Russ.).

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of Human Sciences], St. Petersburg, A-cad, 1994, 406 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Fenomenologiya i transtsendental'naya filosofiya tsennosti* [Phenomenology and transcendental philosophy values], Kiev, Cartel, 1996, 116 p. (in Russ.).

Habermas J. Technology and Science as "Ideology", Habermas J. *Toward a Rational Society: Student Protest, Science and Politics*, London, Heinemann, 1971, P. 81-122.

Aleksey M. Ponomaryov, Doctor of Philosophy, Director, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk. E-mail: amp08@mail.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF FUNCTIONING OF VALUE-NORMATIVE SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF LAW)

Abstract: The article discusses the development of modern legal axiology, which actualizes an appeal to philosophical and axiological concepts in their historical dynamics. The solution of the axiological issues in the field of law requires the introduction of the

differences of law as value and law as its normative expression. The consideration of the normative nature of law involves the analysis of value and normative aspects of social systems, understanding the relationship of values and activities of the social subject, its objectification in the value-normative system, and the study of values as a form of consciousness. Projection of the modern axiological experience on issues of legal axiology allows drawing the following conclusions related to the law: law as a social system serves as the institutional value, fixing sample actions. At the same time, law as an element of subject's orientation in the social world, of one's action motivation, and of forming the image of one's "I" is the social value. In the structure of law, the objectified aspect, which gives a semiotic character to the law, is selected, as well as the subjected aspect perceived by the social activity agent as a necessity and the scale of subjective evaluation, by means of which law is expressed in the value relation of the subject. In relation to the society as a subject, the law must be regarded as a self-representation of this society. Here the objectified aspect of the law is implemented as a set of legal norms. Subjected aspect of the law appears as a set of legal practices on different levels and their reflection in the form of trivial and theoretical consciousness. The main functions of law should be referred to forming the subjectivity of the subject of social activities and acting as a way of reflection of society.

Keywords: axiology; law axiology; value; evaluation; rule; law; representation; social communication; system of values; individual consciousness; social consciousness.